

Молодежь едет учиться в мегаполис: как не остаться в одиночестве

Ирина Лисовская, Елена Омельченко,
Альбина Гарифзянова

Статья поступила
в редакцию
в мае 2023 г.

Лисовская Ирина Викторовна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра молодежных исследований, доцент департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург). Адрес: 190121 Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16. E-mail: ilisovskaya@hse.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6858-1321> (контактное лицо для переписки)

Омельченко Елена Леонидовна — доктор социологических наук, профессор, директор Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург). E-mail: eomelchenko@hse.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5951-3682>

Гарифзянова Альбина Раисовна — кандидат философских наук, доцент кафедры общей и этнической социологии ИСФНиМК, Казанский (Приволжский) федеральный университет. E-mail: ARGarifzyanova@kpfu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8399-8205>

Аннотация

Опыт включения в новую среду иногородней молодежи, переехавшей в мегаполисы из больших и малых городов или из сел, чтобы учиться в университете, редко попадает в фокус внимания исследователей образовательной миграции. Большой корпус публикаций посвящен иностранным студентам как наиболее уязвимой группе среди учащихся, переживающих резкую смену культурной среды.

Проведены 63 интервью со студентами старших курсов бакалавриата, магистрантами и выпускниками бакалавриата и магистратуры, переехавшими из разных российских регионов в Казань и Санкт-Петербург, чтобы учиться в НИУ ВШЭ и КФУ. В ходе анализа полученных нарративов выделены шесть сценариев, ассоциированных по характеру сюжета с кинематографическими жанрами.

В рамках этих сценариев анализируются коннотации переживаемого региональными студентами одиночества в новом городе, а также практики социального включения иногородних как совладания с изоляцией или способы проживания юношами и девушками одиночества. Обсуждаются различия в трактовке и интерпретации смыслов одиночества между разными молодежными группами, а также между разными городскими и университетскими средами.

В концептуализации сценариев социального включения иногородних студентов авторы опираются на подход «социальной драмы». Под сценариями социального включения понимаются идеализированные модели, обобщающие схожие нарративы студенческой молодежи о периоде переезда в большой город и поиска своего места в нем. Каждый нарратив имеет свой сюжет с завязкой, основным действием и финалом. Социальное включение авторы интерпретируют с опорой на современные представления о гражданственности как

широком поле молодежных вовлеченностей, не ограниченном политизированными формами.

Ключевые слова сценарии, социальное включение, молодежь, иногородние студенты, одиночество, образовательная миграция, внутренняя миграция, университет, мегаполис

Для цитирования Лисовская И.В., Омельченко Е.Л., Гарифзянова А.П. (2024) Молодежь едет учиться в мегаполис: как не остаться в одиночестве. *Вопросы образования / Educational Studies Moscow*, № 3 (2), сс. 136–170. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-17283>

Youth Is Going to Study in a Metropolis: How Not to Stay Alone

Irina Lisovskaya, Elena Omelchenko, Albina Garifzianova

Irina V. Lisovskaya — PhD in Sociology, Research Fellow at the Center for Youth Studies, Senior Lecturer in the Department of Sociology, HSE University (Saint-Petersburg). Address: 16 Soyuz Pechatnikov St., 190121 Saint-Petersburg, Russian Federation. E-mail: ilisovskaya@hse.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6858-1321> (corresponding author)

Elena L. Omelchenko — Doctor of Sociology, Professor, Director of the Center for Youth Studies, HSE University (Saint-Petersburg). E-mail: eomelchenko@hse.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5951-3682>

Albina R. Garifzianova — PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of General and Ethnic Sociology, Kazan (Volga Region) Federal University. E-mail: ARGarifzianova@kpfu.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8399-8205>

Abstract The needs of young people who have moved to study from other cities are often overshadowed by numerous studies of international students, traditionally considered by sociologists and practitioners to be among the most vulnerable groups. In this article, we focus on the migration paths of out-of-town students in megacities and what they face on their way to discovering a new city. The aim is to reconstruct scenarios of social inclusion for nonresident students. How and in what way do young people cope with feelings of isolation and loneliness, and is it really becoming a problem for them? In conceptualizing the scenarios, we rely on the “social drama” approach. By social inclusion scenarios we understand idealized models that summarize similar narratives of student youth about the period of moving to a big city and the way to find their place in it, having their own scenario with a lead, main action and a finale. We interpret social inclusion with reference to the modern debate on citizenship, understood as a wide field of youth involvement, not limited to politicized forms. This article uses the results of a qualitative analysis of 63 interviews with students who moved to study at two universities — the Higher School of Economics in St. Petersburg and KFU in Kazan. In each case an average of 31 interviews was conducted with graduate and undergraduate students. We distinguish 6 scenarios associated by the type of plot with film genres. In each of the identified scenarios we record different types of narratives related to experiences of loneliness or isolation in the first months or even years of acquaintance with a new city.

Keywords scenarios, social inclusion, youth, out-of-town students, loneliness, educational migration, internal migration, university, metropolis

For citing Lisovskaya I.V., Omelchenko E.L., Garifzianova A.R. (2024) Youth Is Going to Study in a Metropolis: How Not to Stay Alone. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 3 (2), pp. 136–170 (In Russian). <https://doi.org/10.17323/vo-2024-17283>

1. Студенческая молодежь в условиях образовательной миграции: актуальность проблемы и исследовательский вопрос

Переезд из небольшого города или села в мегаполис сопряжен со множеством специфических рисков, например молодые люди опасаются не найти друзей, остаться в изоляции, не включиться в значимые сети. В последние годы опубликовано много исследований, посвященных социальной изоляции мигрантов в новом для них принимающем обществе, рискам одиночества для ментального здоровья [Neto, Pinto, 2022; Chen et al., 2019]. Исследователи обращаются к анализу социальных сервисов для адаптации мигрантов [Lee et al., 2020; Snoubar, Zengin, 2022], в частности для групп, традиционно считающихся наиболее уязвимыми, — для детей мигрантов и представителей старших возрастов [Shuang et al., 2022; Bhula-or, Chimmamee, Osatis, 2022]. Молодежь попадает в поле внимания, когда речь идет о кросс-культурных мигрантах, например о студентах, которые учатся за границей, в новом для них обществе. Достаточно обширный пласт исследований посвящен изучению адаптации китайских и африканских студентов. В фокусе внимания оказываются вопросы межкультурной коммуникации [Шамовская, Алимova, 2019], проблемы одиночества, изоляции, барьеры социального включения иностранных студентов [Singh, Kumar, Srivastava, 2021], стигматизация и роль этнических стереотипов, чувства принадлежности к университетскому сообществу [Froehlich et al., 2022]. Значительно меньше исследований посвящено процессам социального включения студенческой молодежи в условиях внутренней образовательной миграции. Эти юноши и девушки, так же как иностранцы, могут испытывать глубокое чувство одиночества, переживать культурный шок, многие с трудом справляются с переездом и по разным причинам могут оказаться исключенными из нового для них сообщества [Маяковская, 2022; Walker, Mathebula, 2020]. Взрослеющая молодежь в разных частях страны и мира, определяя свои жизненные стратегии, может уезжать во внутреннюю эмиграцию, чувствуя свою нереализованность, небезопасность и нестабильность своей позиции в родных небольших городах [Карачурина, Флоринская, 2019; Омельченко, Омельченко, 2022].

Получение профессионального образования в мегаполисах привлекает молодежь не только потенциальными возможностями для будущей карьеры [Ватолкина, Федоткина, 2018]. Притягательной кажется сама жизнь в большом городе как культурном центре с его разнообразием «третьих мест» [Ефлова, Виноградова, Витушкин, 2023], с открывающимися перспективами участия в создании новых культурных и экономических ниш, с поиском и

обретением единомышленников, который позволяет расширить собственные горизонты и укрепить социальные связи [Омельченко, 2020; Кузинер, Петрунина, 2022]. Попадая в большой город, студенческая молодежь сталкивается с широким спектром трудностей, обусловленных как социально-экономическими контекстами, так и биографическими [Семенова, Черныш, Сушко, 2019], часто эти контексты определяются региональной спецификой [Замалудинова, Мальганова, 2014]. Студенты из регионов могут значительно отличаться от сокурсников из мегаполисов: другой жизненный опыт, нестоличная социализация, они чаще местной молодежи вынуждены самостоятельно искать жилье и подработки [Салихова, Фахрутдинова, 2021]. Исследователи, например [Гудков и др., 2020], фиксируют и различия в опыте гражданской вовлеченности региональной молодежи и их ровесников из столицы. Так, например, у молодежи из провинции социальный конформизм проявляется сильнее, чем у выросших в мегаполисах, поскольку в небольших городах меньше развиты сети молодежных движений, независимых от администрации.

В данной статье мы рассматриваем способы преодоления студентами состояния одиночества, возникающего после переезда в другой город для получения образования, переживание чувства одиночества и стратегии совладания с ним, а также случаи, когда одиночество становится серьезной проблемой, осложняющей обучение в вузе. Такой фокус достаточно нов для исследований межрегиональной образовательной миграции в России.

2. Биографические сценарии в исследованиях миграции

Изучение биографических сценариев — исследовательский подход, который лежит в плоскости постмодернистских и интеракционистских теорий и опирается на метод интерпретативной биографии, используемый социологом Н. Денцином. Биографический сценарий раскрывает многослойность сюжета и модификацию смысла в нем, а также позволяет рассмотреть нарратив в конкретном культурном контексте [Denzin, 1989]. Д. Доттер, применявший концепцию сценариев к реалиям постмодернистского общества, также подчеркивает, что в создании смысла важны сюжетные линии с их развитием во времени и отнесенностью к конкретному месту [Dotter, 2002. P. 428]. Обобщая идеи этих авторов, можно сказать, что нарратив и создание смыслов всегда лежат в некоем заданном контексте, а также зависят от развития самого биографического сюжета. К примеру, нарративы молодежи о социальном включении или одиночестве, возникающем после переезда, будут иметь свой сюжет, динамику и будут развиваться в контексте нового города и университета.

Еще один подход, представляющий интерес в рамках нашего исследования, — «социальная драма», которая фокусируется на

конкретных исторических периодах, которыми могут быть социополитические события, имеющие свое начало и конец [Turner, 1980; Sommer, 2022]. Этот подход часто применяется в изучении сложных социополитических явлений, например беженства. Мы не будем фокусироваться на конкретном историческом периоде или политической ситуации. Период, который мы рассматриваем методами социальной драмы, — это биографический этап образовательной миграции со своей завязкой и развязкой, а также конкретным сюжетом и культурным контекстом, в который помещается нарратив о переезде и событиях, с ним связанных. Биографический сюжет, встроенный в конкретный жизненный отрезок, может быть динамичным и непредсказуемым или, напротив, линейным, но он всегда будет иметь отчетливые границы начала, основного действия и финала.

Сценарий в данном случае — это не одна конкретная биография с ее сюжетом, это, скорее, идеализированная модель, обобщающая схожий опыт, пережитый в рамках определенного периода жизни. Модели сценариев как «растиражированные» биографии анализируются, в частности, в исследованиях мигрантов [Лернер, Рапопорт, Ломски-Федер, 2009; Бредникова, 2017].

Таким образом, в нашем случае для концептуализации сценариев важно учитывать несколько характеристик: схожесть сюжетов по динамике и темпоральности; общность пережитого опыта и нарративов о нем в конкретный жизненный период; культурный контекст, в рамках которого развивается сюжет. Переезд имеет свой сюжет, т.е. определенную логику, маршрут и скорость развития. Молодежь не просто переезжает и учится, она еще и вовлекается в студенческую жизнь, входит в новые круги общения, ищет пути самореализации, накапливает социальный капитал и обрывает связями, сталкивается с разными вызовами, в частности учится справляться с одиночеством. Далее мы рассматриваем выборы, с которыми сопрягается социальное включение для молодежи.

3. Зачем включаться? Одиночество мигранта: проблема или право на выбор

Для социального включения требуется преодолеть множество барьеров на входе в новые сообщества и пространства. В выбранной логике сценариев за точку отсчета мы берем переезд в мегаполис и сопряженные с ним переживания и обстоятельства. Исследователи миграций проблематизируют одиночество и изоляцию, наступающую после переезда, как источник повышенного риска для здоровья и даже преждевременной смертности [Cacioppo et al., 2015; Smith, Victor, 2018]. Одиночество рассматривается как концепт, близкий по смыслу к понятию социальной изоляции, с акцентом на переживания отрезанности от других, ограниченности социальных связей [Hays, DiMatteo, 1987]. Риск

одиночества чаще всего подвержены мигранты [Oishi et al., 2013], что фиксируется в кросс-культурных исследованиях. Ситуацию переезда в мегаполис в целях получения образования также можно рассматривать в парадигме кросс-культурных исследований, поскольку социальный и культурный опыт студентов из регионов и молодежи из больших городов различается весьма существенно. Однако всегда ли одиночество или изоляция — это проблема, которую нужно решать?

Концепция одиночества в культурологии берет начало в классической работе Г. Зиммеля «Большие города и духовная жизнь» [Зиммель, 2002], в которой город показан как бездушное пространство индивидуализма, в отличие от села или маленького городка. Однако в недавней работе В. Куренной [2017] рассматривает одиночество как возможность, которую дает человеку мегаполис: он говорит о праве на одиночество, праве не быть частью сообщества, поддерживать слабые незначимые связи в виде деловых ритуалов и при этом быть успешным. Одиночество в таком случае может быть сознательным выбором молодого человека, и этот выбор помогает ему, например, быстрее достичь карьерных целей — не тратя время на тесные связи и вовлеченности, требующие усилий и внимания. Многие современные исследователи отмечают, что жизненные курсы молодежи сегодня индивидуализированы, ориентированы на собственные цели и стратегии их достижения [Beck, Beck-Gernsheim, 2002; Бауман, 2005].

В миграционных исследованиях для оценки различий между локальным культурным опытом человека и обстоятельствами жизни в новом для него обществе используется понятие реляционной мобильности, определяющее степень свободы выбора социальных связей. «Домашние», или локальные, культуры мигрантов, максимально ориентированные на поддержание и сохранение социальных связей, помогают им в преодолении рисков социальной изоляции после переезда в другую страну [Yuki, Schug, 2012]. Китайские студенты, традиционно относимые социологами к группам повышенного риска изоляции, могут так же, как и студенты из Европы, столкнуться с одиночеством, если их локальные «домашние» культуры не были ориентированы на многочисленные связи разной степени глубины [Heu, van Zomeren, Hansen, 2020]. Иначе говоря, в исследованиях одиночества мигрантов важным акцентом становится не кросс-культурность как таковая, а именно локальный социальный опыт и семейная история. Для юноши или девушки, поступающих в университет крупного города, опорой в проживании переезда становится их предшествующий опыт жизни и включенности в прежние сообщества. Выбирая стратегию адаптации, они склоняются в пользу поиска слабых или плотных социальных связей в зависимости от всех обстоятельств и контекстов.

Нарратив о вызовах и трудностях, в частности об одиночестве или изоляции, может воспроизводиться в разных вариациях или не артикулироваться в принципе. При этом не столь важно, из какого типа города или поселения приехал молодой человек.

4. Социальное включение как широкое поле биографических выборов

Социальное включение молодежи можно рассматривать в контексте современных дебатов о гражданственности. Социологи обращаются к новым формам гражданской активности, не ограничиваясь набором политизированных практик [Miller-Idriss, 2006; Harris, Wyn, 2009]. Исследователи включают в понимание гражданственности широкий выбор молодежных вовлеченностей, в частности дружеские интересы и неформальные активности, ориентированные на какие-либо изменения в обществе [Adler, Goggin, 2005]. При этом, по мнению Б. Бергера, следует различать разные виды включенности: *engage in* — включенность в любое занятие вообще, если речь идет об учебе в университете, *engage by* — вовлеченность эмоциональная, но без проактивного действия, например интерес к экологической повестке без каких-либо реальных шагов к изменению ситуации, *engage with* — вовлеченность и эмоциональная, и проактивная, без необходимости быть членом определенного сообщества [Berger, 2009. P. 340].

Дополняя классификацию Б. Бергера, Д. Экман и Э. Амна выделяют коллективные и индивидуальные формы участия, а также особо отмечают возможность неучастия, т.е. отказа от действия [Ekman, Amna, 2012]. Молодежь, дистанцируясь от традиционных каналов гражданского участия, создает все новые и новые форматы вовлеченностей и участия, синтезируя их и совмещая компанейские интересы с глобальной повесткой [Sveningsson, 2015], снижая популярность прежних вариантов вовлеченности [Pilkington, Pollock, 2015; Harris, Wyn, Younes, 2010]. Для нас в данном случае важно, что в понимание гражданского участия встроено социальное включение молодежи на разных уровнях, которое дает чувство сопричастности к значимой компании или молодежной культуре, а также разделенности совместно пережитого опыта в сообществе, способствующей расширению дружеских сетей [Kenny, 2016; Pilkington, Acik, 2020; Poliakov, Omelchenko, Garifzyanova, 2020]. Обращение к модели гражданства заботы, активно развиваемой исследователями, помогает увидеть не только сопричастность и разделенность опыта, но и возможность помочь на уровне «вытянутой руки», используя доступные каналы быть полезным, например для района, университета или ближнего окружения [Nartova, 2021; Nartova, Krupets, Shilova, 2020]. Именно желание быть полезным, иметь возможность изменять локальное пространство вокруг себя — один из самых распространенных мотивов участия и вовлеченности в сообщества [Лукиянова, Елкина, 2020; Гончарова, Ясавеев, 2020].

Социальное включение — это и расширение круга общения и социально значимых связей, и стратегия совладания с изоляцией, чувством одиночества. Для социолога важно понять желания и выборы самих юношей и девушек: включаться в новые сообщества или поддерживать прежние локальные связи. Для одних иногородних студентов включение может быть стратегией наращивания капитала, для других это путь обретения чувства причастности к чему-то важному, ощущения собственной полезности, для третьих включение будет ресурсом, позволяющим после переезда найти новых друзей и поддержку и преодолеть болезненное чувство изоляции.

Таким образом, реконструируя сценарии включения как идеализированные модели, которые обобщают схожие сюжеты и нарративы студенческой молодежи о периоде переезда в большой город, мы принимаем во внимание, что юноши и девушки могут сталкиваться с разными вызовами и трудностями, в том числе по-разному переживать одиночество. Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать практики совладания с одиночеством или переживания чувства одиночества иногородней студенческой молодежи в мегаполисе в зависимости от сценария их социального включения. Соответственно задачами исследования являются: выделение смыслов, которые студенты вкладывают в свои переживания одиночества после переезда (например, жизненная драма и тяжелый период, сознательный выбор); выделение стратегий и практик, которые студенты используют для совладания с одиночеством в контексте социального включения; реконструкция репертуара сценариев социального включения студенческой молодежи, которые соответствуют тем или иным практикам совладания с чувством или переживанием одиночества после переезда; соотнесение каждого сценария с кинематографическим жанром для понимания стилистики и темпоральности сюжета.

5. Методология

Сценарии социального включения иногородней студенческой молодежи мы рассматриваем на примере двух университетов — Казанского федерального университета и Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге. Выбор именно этих университетов обусловлен популярностью Казани и Санкт-Петербурга как центров притяжения учащихся в рамках образовательной миграции [Дожди-ков, Корнилова, 2023]. По данным федерального мониторинга вузов России, больше, чем в Татарстане, студентов только в Москве и Санкт-Петербурге¹. В Санкт-Петербурге в 2022 г. насчиты-

¹ По данным электронного издания «Татар-Информ»: <https://www.tatar-inform.ru/news/bolse-iz-turkmeni-stabilno-iz-baskirii-otkuda-priexali-pervokursniki-v-vuzy-rt-5894079> (дата обращения: 05.08.2024).

валось 66 организаций высшего образования², в столице Татарстана — 42 высших учебных заведения³.

Университет мы рассматриваем как стартовую площадку для развития молодежи в новом городе. В каждом университете выстраиваются свои каналы вовлечения и привлечения студенческой молодежи в неформальные активности, которые, как предполагается, должны помочь студентам включиться в университетскую жизнь и накапливать социальный капитал. Очевидно, что варианты включения в город не ограничиваются только университетской жизнью, но место и роль именно университета как пропуска молодежи в новый мир трудно переоценить.

В рамках исследования проведены 63 полужформализованных биографических интервью с иногородними студентами-старшекурсниками разных уровней подготовки (бакалавриат/магистратура) и выпускниками бакалавриата/магистратуры. Мы создали квотную выборку для того, чтобы детально проанализировать специфику переживания одиночества и оценить практики совладания с одиночеством или переживания одиночества у молодых людей, завершающих свою учебную траекторию, начинающих обучение в магистратуре и продолжающих его, а также после выпуска.

В Санкт-Петербурге проведены 11 интервью со студентами бакалавриата, 10 — со студентами магистратуры, 10 — с выпускниками бакалавриата и магистратуры, из них 16 интервью с женщинами и 15 с мужчинами. Среди миграционных маршрутов петербургских информантов есть берущие начало во всех федеральных округах: ЦФО (4 человека), СЗФО (5), СФО (4), ПФО (11), ЯНАО (1), ЮФО (3), УРФО (2), ДВФО (1). Эти юноши и девушки переезжали преимущественно из провинциальных, но достаточно крупных городов с населением от 100 до 600 тыс. человек, приехавших из поселков или городов с населением менее 100 тыс. человек существенно меньше. В Казани проведены 12 интервью со студентами бакалавриата, 11 — со студентами магистратуры, 9 — с выпускниками бакалавриата и магистратуры. Среди них 17 женщин и 15 мужчин. В Казани география образовательной миграции представлена преимущественно студентами из ПФО (24 человека), УРФО (4) и ЦФО (4). Большинство казанских студентов, участвовавших в исследовании, приехали из городов с населением до 100 тыс. человек, но есть и исключения, а также из соседних регионов, таких как Башкортостан, Удмуртия, Марий Эл.

² Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования 2022 г.: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2022/_vpo/material.php?type=2&id=10201 (дата обращения: 05.08.2024).

³ Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования 2022 г.: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2022/_vpo/material.php?type=2&id=10608 (дата обращения: 05.08.2024).

В качестве важного критерия отбора информантов мы принимали во внимание наличие опыта вовлечения во внеучебную жизнь университета и в активности за его пределами. Мы стремились получить максимально широкое разнообразие опытов и смыслов включения: учитывались опыты от «случайных» волонтерских до осознанных длительных практик с творческим, организаторским, спортивным или каким-либо другим вектором. Также мы старались учитывать разнообразие образовательных направлений подготовки студентов и, что важно для этой статьи, разнообразие регионов, типов населенных пунктов и городов, из которых переехали студенты в Казань или Санкт-Петербург.

Гайд полуструктурированного биографического интервью включал следующие блоки: социально-экономический бэкграунд, причины образовательной миграции, специфика образовательной траектории, повседневная жизнь, источники доходов и работа в новом городе, социальное включение во время учебы в университете и городе, миграционные планы на будущее. Основной акцент в интервью делался на опыт социального включения и особенности преодоления трудностей после переезда, прежде всего одиночества. Интервью занимало от 60 до 100 минут.

Полевой этап исследования начался в феврале 2022 г. и совпал с обострением международной обстановки. С одной стороны, это можно считать ограничением исследования, потому что полученные данные очень чувствительны, особенно касающиеся переживаний, связанных с переездом в чужой город, и миграционных планов. С другой стороны, обстоятельства переезда, который произошел несколько лет назад, рассматриваются в данном исследовании ретроспективно. Тем не менее при анализе нарративов мы учитывали, что некоторые намерения молодежи, например установки на скорейший отъезд в другую страну, чувство небезопасности в городе, могут быть обусловлены текущими событиями и информационной повесткой. Противоречивые нарративы, касающиеся актуальных событий, в статью не вошли.

Ограничением исследования можно также считать различие Санкт-Петербургской и Казанской выборок: большинство иногородних студентов ВШЭ — выходцы из достаточно крупных городов, а в КФУ, наоборот, преобладает молодежь из поселков, малых и средних городов. В Петербургском кейсе не так много интервью со студентами из сельских поселений или сравнительно небольших городов. В дальнейшем мы планируем уточнить данные, добрав интервью с сельской молодежью.

6. Результаты

6.1. Включение как приключение: вестерн или фильм-катастрофа?

Иногородние студенты в Санкт-Петербурге сразу после поступления стремятся как можно быстрее войти в разные городские и университетские студенческие сообщества, завести как можно больше новых знакомств.

У меня была такая штука, что был очень общителен на первом курсе и познакомился со всем своим потоком, вот. Буквально реально знал в лицо двести человек с чем-то. Вот, и даже больше, потому что еще участвовал в организациях всяких студенческих, поэтому я знал ребят с других потоков (Виктор⁴, 22 года, магистр, из города с населением 700 тыс. человек, ВШЭ).

Для части студентов одиночество становится едва ли не самым большим вызовом в новой для них обстановке. После переезда у многих возникает страх быть не таким как все. Первокурсники не понимают, как принято общаться в новых для них сообществах, и боятся случайно нарушить локальные нормы этикета. Такую проблему пережила на первом курсе Марина.

Весь первый курс, мне кажется, он был таким. С проблемами одиночества, я бы сказала. Я, кстати, очень переживала, еще не знала, как в университете все работает. Я помню, я ходила такая: «Боже мой, столовая. А если... А как? Я не знаю, какой этикет, с кем можно садиться. Можно ли вообще к кому-то садиться, если я сама этого человека не знаю?» (Марина, 22 года, выпускница, из города с населением свыше 600 тыс. человек, ВШЭ).

Переживание одиночества может обостряться в сложных ситуациях — болезни или конфликтов.

Вот тогда было первый раз страшно, что была температура. Я думала: «Блин, вот я сейчас ночью умру, и никто даже рядом не придет и не будет грустить обо мне». Было вот так (Екатерина, 20 лет, бакалавр, из станицы с населением 80–90 тыс. человек, ВШЭ).

Студенты уверены в своих возможностях справиться с одиночеством, найти компанию по душе. Но в некоторых нарративах мы заметили, как страхи изоляции подменяются иными смыслами, например трансформируются в ожидание приключений.

Изначально был готов к тому, что это будет очень необычно из-за того, что я как бы приехал из маленького города, и придется как-то ко всему этому адаптироваться. И мне было интересно, мне хотелось, чтобы мне было здесь непривычно и чтобы я начал ко всему этому адаптироваться, поэтому это воспринималось не как трудность, а как, наверное, очень интересные вещи

⁴ Все имена здесь и далее изменены.

на пути типа моей адаптации в этом городе (Виктор, 22 года, магистр, из города с населением 700 тыс. человек, ВШЭ).

Нарративы этих студентов выстроены как героические притчи, в которых они берут неприступные крепости. Студенты старших курсов и выпускники представляли свои истории, связанные с переездом, как путь героя, преодолевавшего вызовы и превратившего себя на прочность.

Во-первых, мне хотелось проверить для себя, действительно ли я так хорош, как я на себя смотрю, или же на самом деле все-таки не такой молодец, как я думаю. Хотелось проверить, так сказать, себя. Сделать для себя челлендж (Виктор, 22 года, магистр, из города с населением 700 тыс. человек, ВШЭ).

Реализацию этого сценария отличает стремление студентов не просто быть вовлеченными во множество внеучебных проектов, но и предлагать свои. К старшим курсам у этих студентов выстраиваются отчетливые активистские траектории, юноши и девушки достигают руководящих позиций в институционализированных внеучебных организациях при университете и в городе, параллельно организуя неформальные клубы по интересам, например в общежитиях.

Этот сценарий характерен преимущественно для студентов в Санкт-Петербурге — в очень современной среде, создающей некий «вау-эффект», когда университет впечатляет своими возможностями, амбициозными планами и достижениями, динамичным развитием, что сильно контрастирует с предыдущими форматами обучения в родном городе.

Вот я просто ужасно влюбилась в Вышку, в интернете (смеется) вот. И я просто рылась, видимо, я зашла на страничку какого-то активиста в Вышке. Эта девушка была главой какой-то организации внеучебной, поэтому у нее было много всяких мероприятий. Как это мне нравится, как это мне надо! (Ольга, 21 год, бакалавр, из города с населением менее 100 тыс. человек, ВШЭ).

У казанских студентов этот сценарий имеет характерные особенности. Сначала привлекает городское пространство Казани, а образ КФУ как олицетворение идеальной студенческой жизни возникает уже после.

Для этого сценария важно, что юноши и девушки воспринимают и расценивают переживаемое одиночество и перипетии включения как испытание (челлендж), которое даст значимый ресурс для будущего. Практики совладания — это вовлечение в большое количество мероприятий, преодоление себя или кардинальное

изменение своего отношения к окружающему обществу и коммуникациям с ним. Ко второму курсу эти студенты уже вливаются в инициативные студенческие организации, что позволяет им выстроить активистскую альтернативную карьеру, занять лидирующие позиции, стать организатором собственного проекта ближе к старшим курсам. Сценарий отличается динамичностью, острозащитными поворотами и четкой развязкой и соответствует по жанру приключенческому кинофильму.

6.2. Приключенческо-исследовательский документальный фильм: найти жизнь за МКАДом

Этот сценарий характерен для студентов, приехавших учиться в КФУ из столиц или мегаполисов (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург и др.). Для них решающую роль в выборе места учебы играл сам город — Казань, а потом уже университет.

Если в первом сценарии приключение — это включение в большой город, то в данном случае это переезд из столицы в региональный центр. В нарративах этих студентов присутствуют своего рода романтические представления как о Казани, так и о самом переезде за пределы столиц. Помимо факта, что «там людей очень много, шумно, жизнь быстро течет», студенты отмечали, что Москва «в первую очередь дом», куда в любой момент можно вернуться, а студенческая пора воспринимается как время важных изменений, решений и экспериментов, поэтому рассматривается ими как некий челлендж, желание повзрослеть, пройти испытание, «желание увидеть другую Россию».

Изначально рассматривала, что хочу прожить студенческую жизнь, то есть поступить в вуз где-то в другом городе, попробовать свои силы, поэтому я скорее рассматривала не вузы, а города (Валентина, 19 лет, бакалавр, из города с населением 1 млн человек или более, КФУ).

Уникальность этого сценария в том, что одиночество не рассматривается как острая проблема, а воспринимается как некий ресурс, который помогает почувствовать себя отстраненным от ритма большого города, дает время и возможность поразмышлять. У этих студентов мало друзей, они реже включаются в университетские сообщества, избегают многолюдных мероприятий и формальных активностей, предпочитая искать неординарные встречи и события, которые привнесут больше смысла в их жизнь. Внеучебная студенческая жизнь для них в целом малопривлекательна, она, по их мнению, зачастую слишком линейна, демонстративна, формальна. Информанты предпочитают отстраненные от видимой университетской активности хобби, при этом полезные и не очень формализованные. Например, Илья стремится исследовать город и городские окрестности самостоятельно или

в небольшой компании через фото- и видеосъемку. Социальное включение студентов из столиц происходит в зависимости от интересов. Они более избирательны в поисках единомышленников и друзей, исследуя город, они предпочитают сохранять некую обособленность, загадочность, стремясь к реализации своей нестандартности в любом виде.

Мне как бы интересно всегда помещаться в такие ситуации, просто переживать их... просто я не люблю консервироваться в одной среде долго, мне нужно что-то менять, желательно какие-то впечатления, эмоции, желательно, чтобы они были не повседневные... Это, возможно, постоянный поиск историй, приключений... (Илья, 23 года, бакалавр, из города с населением 1 млн человек или более, КФУ).

Важной вехой развития этого биографического сюжета становится измерение уровня комфортности или некомфортности проживания в Казани в сравнении с родным городом. У тех, кто приехал из столицы, своеобразное восприятие чужого и своего: «У меня нет такой привязки: вот это мой город, а этот нет...» Любые трудности, такие как одиночество или бытовые проблемы, они встречают как возможность получения жизненного опыта и потенциал для роста.

Начало сценария — переезд, который воспринимается как главное испытание, возможность проверить себя. Сюжет сценария развивается как исследование городского пространства, поиск себя в новом городе. Это достаточно размеренный процесс, интересы сменяют или дополняют друг друга. К старшим курсам студенты планируют вернуться в Москву с приобретенным в Казани опытом. Одиночество молодежь в этом сценарии воспринимает как ресурс, благодаря которому можно немного отстраниться от суеты большого города и, например, исследовать другую культуру. В целом сценарий очень похож на документальное кино про путешествия в неизведанное, движимое желанием увидеть своими глазами «жизнь за МКАДом», как некое приключение или «поиск своих историй».

**6.3. Драма
включения:
длительный
«поиск своих»**

В этом сценарии юноши и девушки сталкиваются с чувством исключенности и драматическими переживаниями одиночества. Он актуален и в Казани, и в Санкт-Петербурге.

С момента поступления студенты находятся в длительном поиске «своей» компании и *safe place*, которые дадут чувство защищенности и спасут от одиночества. И девушки, и юноши, проживающие этот сценарий, тяжело переносят одиночество после переезда — до года и дольше, и это переживание становится са-

мым сложным барьером, препятствующим самореализации в новых условиях. Как рассказывает Юлия, переживание было пугающим, вызывало сильный дискомфорт и мешало реализации в новой среде:

То есть 2017–2018 год мне было очень тяжело, неприятно, я никого не знала. И в Вышке, когда я только поступила в Вышку, у меня никого не было. Это было ужасно. Было пугающее чувство одиночества (Юлия, 22 года, бакалавр, из города с населением свыше 600 тыс. человек, ВШЭ).

Для совладания с одиночеством, для включения в новые компании часто применяются достаточно радикальные практики. Некоторые студенты начинают предпринимать усилия к тому, чтобы полностью искоренить свои отличия от представителей «местных» компаний, чтобы легче в них интегрироваться. Например, среди наших информантов была девушка, которая целеустремленно боролась со своим южным акцентом, чтобы ничем не отличаться от новых друзей. Однако результаты такого рода усилий нередко разочаровывают: от жителей мегаполисов приезжие студенты отличаются не только как представители иных локальных культур, но и в силу экономических факторов, связанных с ограниченными финансовыми возможностями. Одни молодые люди в поиске подходящей компании начинают перебирать разные варианты сообществ, другие подгоняют себя под те «тусовки», членом которых хотят стать, третьи стремятся создать свое пространство, ориентируясь на ближний круг знакомых. Во всех этих историях много драматизма и накала событий. Например, Светлана, чувствуя себя крайне одинокой, решает взять инициативу в свои руки.

...я с этой компанией, с которой потом жила до третьего курса, до переезда в другое общежитие, наладила коммуникацию сама, причем очень странным методом. И я прям помню, как я сидела и слушала, как за стенкой у них происходит прекрасное веселье, а я тут одна. Что же такое? Я не должна оставаться в стороне, это прям мое. И я подготовила игру, настолочка такая. Все, я захожу. И я зашла — и не вышла. Все было в моих руках, но я просто знала, что если не сейчас, то... (Светлана, 24 года, магистр, из города с населением 200–300 тыс. человек, ВШЭ).

Обретение «той самой» компании — яркий момент в нарративах, оно ассоциируется с окончанием драматичных событий и переживания одиночества. Информанты использовали эмоционально окрашенные слова, такие как «семья», «дом», «безопасное место» в отношении группы единомышленников.

И когда я опять же обрела [название отряда], я такая: «О! Люди, готовые к близким социальным связям. И мы часто говорим о том, что отряд — это семья, которую ты выбираешь» (Юлия, 22 года, бакалавр, из города с населением свыше 600 тыс. человек, ВШЭ).

HSE Music я имею в виду, как мы называем его — «Мурзик», вот. Буду называть его «Мурзик» в будущем. Стал очень близким моим, безопасным местом, моим *safe place* в моей жизни... Естественно, я нашла очень близких мне по духу друзей. По сути, *HSE Music* — это место, которое я могу домом назвать в некотором смысле (Дарья, 22 года, бакалавр, из городского поселения с населением менее 50 тыс. человек, ВШЭ).

Жизненная траектория после преодоления изоляции и одиночества, казалось бы, выравнивается, но плотное включение в активности может привести к сложностям с выполнением учебных задач. Сразу несколько студентов-старшекурсников заявили о своем готовящемся отчислении или о необходимости взять академический отпуск, но эти проблемы обсуждаются менее драматично, чем периоды изоляции и поиска новых социальных связей.

У нас у всех проблемы с учебной, потому что, когда ты один раз съездишь в археологическую экспедицию, у тебя очень сильно переставляются приоритеты в жизни (Юлия, 22 года, бакалавр, из города с населением свыше 600 тыс. человек, ВШЭ).

Очень похожий сюжет описала студентка в Казани, с тем только отличием, что она не просто искала себе безопасное место, но пыталась найти применение своим талантам и способностям: в родном городе она испытывала недостаток конкурентной среды. Пытаясь наверстать упущенное, Елена пробовала себя в самых разных активностях: сначала каратэ, потом собственная группа танцев, научная деятельность, затем открытие онлайн-школы и работа в школе учителем, профессиональный спорт, и при этом ей так и не удалось найти близких друзей ни в университете, ни за его пределами. На протяжении всего интервью Елена объясняла, что она пытается найти себя в новом городе и продолжает сталкиваться с недооцененностью или невостребованностью.

У нас на доске почета висят плясуны, массовики-затейники, у которых просто двойки сплошные по учебе, а те, кто реально занимается научной деятельностью... Именно наши работы набивают рейтинг факультету, рейтинг вузу, потому что, ну, научные публикации — это очень престижно (Елена, 23 года, магистр, из города с населением 500–600 тыс. человек, КФУ).

Горькое чувство несправедливости из-за отсутствия публичного признания заслуг на уровне университета подталкивает Елену к разносторонним активностям за его пределами. История Елены внешне вполне успешна, но в интервью постоянно звучит неудовлетворенное стремление почувствовать себя наконец своей в чужом городе, научиться его любить и, несмотря на трудности, найти свое место в нем. В отличие от петербургских студентов, обрести свое место ей пока не удалось, и смириться с одиночеством она не готова.

Переезд и тяжелое переживание одиночества — самые драматичные моменты сценария «драма включения». Они часто находятся в центре нарратива, студенты воспринимают изоляцию как испытание, как препятствие самореализации в новой среде. После долгих и не всегда удачных попыток найти единомышленников и обрести свое сообщество, после переживания разочарования и осознания своей инаковости наступает долгожданная развязка, студенты обретаю «своих» внутри университета или в городе. При этом активное включение в новые сообщества может сопровождаться сменой приоритетов, и результатом нередко становятся проблемы с учебой и даже отчисление или академический отпуск. Жизнь строится вокруг приобретенного, поэтому все лишнее отсекается. По жанру этот сценарий — драма инаковости и одиночества. После преодоления изоляции сюжет как будто исчерпывает себя, но события продолжают как отдельные сцены после титров. Казанский случай более пессимистичен и пропитан атмосферой разочарования, поэтому здесь больше подходит жанр нуар.

6.4. Этнокультурный сценарий драмы

В городе, для которого характерно большое этнокультурное разнообразие, юноша или девушка могут оказаться в изоляции из-за этнических предубеждений или реальной ксенофобии, а могут, наоборот, найти ресурс поддержки в этнической специфике региона.

Абитуриенты часто выбирают Казань по принципу культурной близости либо вдохновившись национальным колоритом. Этнокультурная специфика Казани — важный фактор, оказывающий влияние на студентов, и в частности на переживание ими одиночества на протяжении всего обучения в университете. На старших курсах она может предопределить дальнейшие миграционные планы молодежи — уехать или остаться. С одной стороны, этнорелигиозная специфика делает город необычным и привлекательным для студентов из ближайших регионов при выборе университета. С другой стороны, со временем она может восприниматься как барьер для успешного жизненного сценария и построения карьеры в будущем. В некоторых случаях молодежь сталкивается не

просто с бытовыми случаями непонимания или предвзятости, а с реальным непринятием и ксенофобией.

В моих глазах до приезда все было более или менее радужно: башкиры и татары плюс-минус один и тот же народ... Ну, тюркские народы всегда как-то находят общий язык, я сам наполовину татарин, рожденный в Башкирии, и я думал, что как-то они более дружелюбные. Я на это надеялся, но по итогу на деле оказалось немного иначе... Когда мне сломали нос только за то, что у меня регион 102 — башкирский регион (Даниил, 21 год, бакалавр, из поселка с населением 4 тыс. человек, КФУ).

Первая встреча с реальной ксенофобией вызывает непонимание, которое усиливает чувство одиночества, мешающее самореализации на новом месте.

...Сложности есть в том, что ты татарский не знаешь и ты, получается, параллельно пытаешься его изучить. Естественно, не как носитель ты будешь знать его, но в какой-то мере я начал что-то понимать. Но говорить... Говорю очень редко, но что-то могу понять. Именно с точки зрения то, что я, например, не татарин... Может появляться здесь, особенно если ты куда-то продвигаешься... Ты обязательно должен владеть, если даже ты русский, например, или славянин какой-то там, возможно, украинец — неважно. Если ты знаешь татарский, все — двери открыты... (Егор, 25 лет, выпускник магистратуры, из города с населением 50–60 тыс. человек, КФУ).

Предубеждения или стереотипные опасения, связанные с этническим профилем города, возникали до приезда в Казань у многих студентов из других регионов. Они считали, что студенты не татарской национальности могут столкнуться здесь с дополнительными или даже серьезными барьерами в будущей карьере. Большинство студентов в интервью расценивают такие представления как домыслы и предубеждения.

...Бытовой национализм — пугали, что все такое будет. Об этом все знают, все это видели. Естественно, как бы на фоне этого у меня возник небольшой страх: а вдруг реально?! Потом в итоге ожидания полностью не оправдались, никакого я здесь национализма ни разу не встречал. Наоборот, я сам прикалываюсь, могу позволить прикалываться над татарами. Да, и прекрасно они понимают этот юмор. Сами там: понаехали тут! Кто тут понаехал? (смеется) (Слава, 23 года, магистр, из города с населением 700 тыс. человек, КФУ).

Чаще всего стереотипы, транслируемые в ближайшем окружении, не подтверждаются на практике, за редким исключением каких-то бытовых кейсов.

...Было большое количество всяких слухов и каких-то таких отцовских наставлений, что, вот, в Казани, если ты не татарин, то ты никуда не поедешь, там везде татары (Михаил, 20 лет, бакалавр, из города с населением до 700 тыс. человек, КФУ).

Как метко обрисовала город одна из наших респонденток, Мария, «Казань — это противоречия, пересечения каких-то линий». Традиционная национальная специфика в сочетании с образом студенческого, популярного города формирует неповторимый дух Казани.

...Очень комфортна вот эта национальная традиционная атмосфера. Очень нравится, такая восточная, восточные нотки, вот, и интересно. То есть как-то нравится, такой сказочный город, такой как... сказочные какие-то здания прикольные (Мария, 23 года, магистр, из города с населением до 60 тыс. человек в Башкортостане, КФУ).

Этнокультурный сценарий драмы проживают те студенты, которые столкнулись с конфликтами или дискриминацией по национальному признаку и в результате разочаровались в городе, у них возникло желание его покинуть и поступить в другой университет. Этническая специфика повседневных культурных практик играет существенную роль в адаптации к новой среде: с одной стороны, она привлекает и может быть даже близка по этнокультурным кодам, например как к башкирской культуре, с другой — может стать причиной изоляции. Некоторые из иногородних студентов оказываются не готовы принять чуждые культурные традиции, мириться с непривычными правилами этикета, и именно они испытывают разочарование и остро переживают одиночество в большом городе.

...Очень разный менталитет. В Казани всегда спрашивают: «Привет, как дела?» — и никому не интересно, как у тебя дела. Это как в США: Hello? How are you? — но не надо отвечать, как дела. В Кирове никогда так не скажут... В Казани много лицемерия, очень много, когда человек может тебе улыбаться, говорить одно и говорить другое (Павел, 24 года, выпускник магистратуры, из города с населением 500–600 тыс. человек, КФУ).

Поэтому в рамках этого сценария Казань может быть транзитным пунктом, за которым последует другой город или возвраще-

ние домой, что можно рассматривать как радикальную практику совладания с дискомфортом и изоляцией в другой культуре.

Я хочу уехать отсюда, я не хочу оставаться здесь, я не хочу возвращаться домой [в Башкортостан], я хочу найти более русский город. Я считаю Казань нерусским городом вообще! Хочется больше русских людей видеть, что ли (Даниил, 21 год, бакалавр, из поселка с населением 4 тыс. человек, КФУ).

Этот сценарий — разновидность драмы. Переживание студентами одиночества в данном сценарии проявляется ярко, если информанты сталкивались с национальной нетерпимостью в повседневной жизни, в таком случае все стереотипные представления о невозможности чего-то добиться в Татарстане, не будучи «татариним или татаркой», получают подтверждение. Итог такого сценария — возвращение домой или переезд в другой город.

6.5. Стратегический сценарий: тусовкам — нет, карьере — да (обучающий фильм)

Стратегический сценарий — результат сознательного выбора студентами одиночества как состояния, которое позволяет не отвлекаться на студенческую суету и делать карьеру, поддерживая выгодные для них слабые связи.

В этих историях фактически не встречается драматичной рефлексии об одиночестве после переезда, в отличие от предыдущего сценария. Информанты объясняют, что у них не было нужды в новых кругах общения, они отдавали предпочтение старым, пусть и немногочисленным, связям или своему давнему партнеру.

Мне довольно сложно входить в новые социальные круги, и у меня не было такой нужды, я не особенно интегрировался. И я не очень хотел... Я понимаю тех, кто это делает, но у меня не было особенно времени, я считал, что лучше провести время с друзьями, которые у меня уже есть (Леонид, 22 года, бакалавр, из города с населением менее 50 тыс. человек, ВШЭ).

Отсутствие близких связей в новом городе как сознательный выбор встречается во многих нарративах. При этом состояние «без близких друзей» не расценивается как изоляция и не переживается как одиночество.

Эти студенты сразу после переезда ищут в своих действиях и начинаниях исключительно рациональное зерно: деньги, связи — все то, что будет полезно для дальнейшего карьерного развития или бизнеса. Возможности Санкт-Петербурга и университетской среды рассматриваются исключительно с этой точки зрения.

Например, Михаил отмечает, что бесцельные тусовки не входили в его планы на новом месте, а значимые связи с друзьями из родного города можно поддерживать онлайн.

Для меня какой-то особой проблемы нет, на самом деле, в том, что все на расстоянии происходит, потому что мне не нужно постоянно развлекаться, постоянно искать какого-то отдыха от чего-то вместе с друзьями. То есть общение, в принципе, можно и онлайн поддерживать. Это не такая большая проблема (Михаил, 22 года, выпускник бакалавриата, из города с населением 300–400 тыс. человек, ВШЭ).

Если появляются новые дружеские контакты, то обязательно полезные.

Вот я говорил, что еще тогда, еще когда только заселился в общежитие на первом курсе, сразу же вот попался друг именно, который касается профессиональной сферы (Михаил, 22 года, выпускник бакалавриата, из города с населением 300–400 тыс. человек, ВШЭ).

Тем не менее некоторые студенты состояние невключенности в новые сообщества воспринимают как барьер. Например, один из наших информантов, Геннадий, не смог, хотя и хотел, найти для себя местное сообщество. Но для него это, скорее, препятствие, которое тормозит получение больших выгод для карьеры. У понятия «одиночество» в данном случае отсутствуют драматические коннотации, его можно описать, скорее, как состояние «без «нужных» друзей».

Да, наверное, мне хотелось бы, если бы был какой-то вот такой социальный институт или, я не знаю, социальный путь, чтобы я мог включиться в какую-то там местную тусовку, наверное. То есть я стал сознавать себя петербуржцем только... в каком-то смысле петербуржцем... только, наверное, на третьем курсе (Геннадий, 23 года, магистр, из города с населением менее 20 тыс. человек, ВШЭ).

В этом сценарии фактически нет практик совладания с одиночеством, разве что в контексте поиска «нужных» друзей. Само это состояние позволяет не отвлекаться от важных дел. Молодежь стратегически включается в карьерные мероприятия или деловые сообщества, которые принесут выгоду и важные знакомства для карьеры.

Этот сценарий встречается в нарративах и казанских, и петербургских студентов. Они относительно быстро начинают зарабатывать, вовлекаясь в активности, которые потенциально принесут деньги, среди них платное «волонтерство» на городских фестивалях или университетских мероприятиях.

Я не знаю, какие-то волонтерские, я был волонтером на фестивале корейской культуры, например, но я это делал... Мне показалось, что это можно будет зачесть за практику, то есть я это делал не из добрых побуждений, а из корыстных (Леонид, 22 года, бакалавр, из города с населением менее 20 тыс. человек, ВШЭ).

Эти студенты стремятся аккумулировать ресурсы, которые дают им город и университет, чтобы подняться по карьерной лестнице или получить выходы в желаемые деловые активности, такие как студсовет.

...Мы все равно как-то старались проводить мероприятия, как-то развлекать, кто там хотел какие-то баллы заработать. Благодаря этому меня заселили на втором курсе в деревню Универсиады⁵, соответственно, и там я вступил в студсовет (Артемий, 23 года, магистр, из города с населением 600–700 тыс. человек, КФУ).

Сюжет этого сценария скорее похож на дорожную карту в обучающем фильме (тutorиале), на которой отмечены промежуточные точки построения карьеры, начиная со студенчества. В этой линейной, достаточно прагматичной, шаг за шагом разворачивающейся истории нет резких поворотов. Сама карьера, чаще всего соответствующая полученной профессии, начинается со старших курсов, чему способствует участие в плановых мероприятиях или включение в университетскую или городскую активистскую деятельность с перспективой монетизации этого опыта в будущем.

6.6. Быть полезным: сценарий в жанре фильма-биографии

Студенты, чьи нарративы мы относим к категории сценариев «быть полезным», ориентированы на поиск полезной деятельности, которая сопрягается с удовольствием от достижения значимых для них целей.

И я тоже что-то искала, но хотела полезное для университета <...> Ну все, что я включена в университет, я включена в жизнь университета до сих пор, — это мне, конечно, приносит удовольствие, лично мне, потому что я вижу результат деятельности, которую мы проводили (Мария, 24 года, магистр, из города с населением менее 100 тыс. человек, ВШЭ).

Одиночество и проблема изоляции в такого рода сценарии студентами обычно не актуализируется как серьезное пережива-

⁵ Комфортабельное общежитие КФУ — это целый жилой микрорайон, сооруженный в Казани перед проведением XXVII Всемирной летней универсиады 2013 г.

ние. Лия, обучающаяся в ВШЭ в Петербурге, подчеркнула в интервью, что «некогда переживать»: началась взрослая жизнь, и нужно искать собственный путь.

А тут, получается, тебя резко выбрасывает во взрослую жизнь, и это, наверно, было самое тяжелое. Больше тяжелого в принципе не было <...> И у тебя нет времени для того, чтобы сидеть и переживать из-за того, что ты совсем один где-то, в каком-то чужом городе (Лия, 23 года, выпускница бакалавриата, из города с населением 400–500 тыс. человек, ВШЭ).

Действия молодежи, стремящейся найти полезное дело «по душе» и встретить единомышленников, можно считать практикой совладания с чувством одиночества после переезда. Иногородние студенты часто встраиваются в такие активности или ищут такие занятия, которые помогут им почувствовать себя своими в новом городе. Как правило, это активности, связанные с заботой о городе или университете. Любую активность, даже учебу, они оценивают с точки зрения пользы и личного вклада: получить хорошие знания, а не только высокое место в рейтинге или выгодные связи.

На протяжении всей учебы студенты критикуют сложившуюся в университетских кампусах неолиберальную идеологию, которая подталкивает к конкуренции с другими и препятствует реализации своего «уникального пути», поиску друзей и самореализации с пользой для других. В нарративах часто звучало раздражение по поводу распространенных в университете рейтинговых систем. Некоторые молодые люди старались не обращать на них внимание. Другие, наоборот, эмоционально критиковали систему за то, что она вынуждает их конкурировать.

Потому что есть [применяется нецензурная лексика со значением «неприятная»] рейтинговая система. Это огромный минус Вышки <...> И в принципе большой минус в том, что мы перестаем учиться, мы начинаем соревноваться. Потому что даже у нас очень много преподавателей от нас уходят, просто потому что студенты Вышки — это ребята, которые друг другу грызут шею, горло, так скажем, за рейтинг <...> Но, естественно, очень многим просто начинает [нецензурная лексика со значением «становится все равно»], как бы, знаешь, отвержение системы этой. На фиг находится в этой ублюдочной системе, если из нее можно выйти (Семен, 23 года, бакалавр, из города-миллионника, ВШЭ).

Рейтинги воспринимаются как то, что навязывается «сверху», тогда как хочется быть вне соревновательных систем и найти свой

уникальный и полезный для общества путь. Критикуются и жесткие институциональные рамки некоторых студенческих организаций, в которых также царит конкуренция.

Студенты, приехавшие в Санкт-Петербург не только из городов-миллионников, но и из сравнительно небольших городов, считали важным подчеркнуть, что не допускают мысли о том, что могут чем-либо отличаться от «местных». Они отвергают устаревшее противопоставление «центр — периферия», актуализируя тему имперскости:

В какой-то момент меня постоянно проверяли, когда ходил с портфелем в метро. Еще было такое, что, когда я вставал на воинский учет в Санкт-Петербурге, на Ваське, там женщина начала кричать, что мы приехали типа из других уголков России, и тут нашим местным парням, пацанам типа не даете места, места их забираете <...> Мы это с друзьями называем имперскими замашками. Вот есть империя, есть в ней центр. И вот люди, которые живут в этом центре, они же, по сути, не знают, что происходит за пределами центра империи (Семен, 23 года, бакалавр, из города-миллионника, ВШЭ).

Студенты из Казани актуализируют тему этнических барьеров и борьбы с ними. Они переживают, что стереотипы могут не позволить им построить успешную карьеру в Татарстане, несмотря на все их усилия.

Ничего не добьешься с русской фамилией, нигде работу не найдешь. Такой стереотип существовал и существует, скорее, до сих пор (Полина, 26 лет, выпускница магистратуры, из города с населением свыше 600 тыс. человек, КФУ).

Основное действие сценария разворачивается ближе к старшим курсам. На младших курсах студенты критикуют сложившуюся систему, учатся и пытаются реализоваться в небольших проектах. Затем либо создают свои проекты, либо включаются в более крупные, в которых собственный вклад будет более ощутим. Например, Мария сначала волонтерила в кампусе и подрабатывала в приемной комиссии, затем стала создавать проекты, повышающие репутацию университета. Родион рассказывает о своем опыте волонтерской работы в правозащитной организации, в которой он решил продолжить волонтерить после окончания стажировки, чтобы иметь возможность развивать свой инициативный проект.

Я прям захотел продолжить работу по проектам [в правозащитном НКО], на которых мы работали, и хотел прямо довести его до конца, то есть нам предложили там, кто хочет — оста-

вайте, будете помогать работать над этим дальше [бесплатно], и я остался там работать еще на полгода (Родион, 21 год, бакалавр, из города-миллионника, ВШЭ).

Для петербургских студентов приоритетом становится общественная значимость той деятельности, в которую они включаются. Казанские студенты ориентированы прежде всего на приобретение опыта реализации проектов, на понимание «кухни» городских формализованных и институционализированных молодежных активностей, а также на скорейшее получение республиканских грантов, чтобы в перспективе создать свою команду, сделать карьеру и достичь успеха.

Студенты, нарративы которых мы относим к категории «быть полезными», после переезда стремятся добиться равенства возможностей и опыта с коренными жителями. В интервью почти нивелируется проблема одиночества. Их сюжет развивается линейно и постепенно, без резких драматических поворотов. Основные события приходятся на последние курсы обучения, когда студенты включаются в серьезные проекты, приносящие максимум пользы и удовлетворения. Финал сценария — амбициозные идеи, которые станут стартом собственного проекта или началом карьеры. Этот сценарий мы относим к жанру фильма-биографии о борцах за справедливость и равенство. В таких фильмах человек заявляет о своей значимости, противопоставляет себя системе, ищет свой уникальный путь, открыто критикует сложившиеся структуры и стереотипы. Сценарий завершается победой героя, который реализует свой потенциал и добивается значимых для него результатов, несмотря на трудности и структурные барьеры, воздвигаемые обществом.

7. Дискуссия о сценариях социального включения и «ликах одиночества»

Относя нарративы, полученные в результате проведения интервью, к тому или иному сценарию, мы опирались на понятие социальной драмы [Turner, 1980; Sommer, 2022], важной характеристикой которой является связь с серьезными социополитическими событиями, а также на идеи Д. Доттера о месте и времени создания смысла. Сценарии мы определяем как растиражированные биографии или нарративы, встроенные в конкретный период времени или биографический этап, в нашем случае — в период образовательной миграции иногородних студентов. Сюжеты биографических драм, представленных в студенческих нарративах, можно рассматривать как сценарии к фильмам или театральным постановкам: в них есть завязка сюжета, основное действие и развязка. Такой подход помогает увидеть темпоральность сюжета, даже если проблема рассматривается и обсуждается ретроспективно, отследить динамику переживаний молоде-

жи, обратить внимание на резкие изменения логики нарративов и проинтерпретировать их. Некоторые сценарии развиваются линейно, другие, напротив, изобилуют резкими поворотами, держат в напряжении. Эти сценарии относятся к самым разным жанрам: приключения, драма, биография, документалистика, обучающий фильм, нуар. Каждому жанру присуща своя тональность и темпоральность, смыслы в каждом из сценариев трансформируются с определенной скоростью, теряя и приобретая свою актуальность. В разных сценариях в понимание и переживание одиночества вкладываются разные смыслы.

В некоторых случаях одиночество не просто проблема, а тяжелейшее жизненное испытание, например в драматических сценариях: «длительный поиск своих», «сценарий этнокультурной драмы». Оно занимает центральное место в нарративах наших информантов, Преодоление одиночества — это фактически развязка сценария, за которой может следовать целая череда не самых важных для студента событий, своего рода закадровых сцен, особенно если студенту удастся найти позитивное решение проблемы. Драматичные сценарии отличаются очень радикальными практиками решения возникающих трудностей: серьезная работа над собой, длительный поиск компании и частые разочарования, создание собственных проектов, которые объединят единомышленников, а также переезд в другой город, возвращение домой, отчисление из университета.

Одиночество может быть ожидаемым челленджем, прогнозируемой трудностью, столкновения с которой студенты ждут как трамплина. Такая коннотация одиночества характерна для приключенческих сценариев: «включение как приключение», «исследовательски-приключенческий сценарий». Исследователи, изучавшие, например, мигрантов из России в других странах [Лернер, Рапопорт, Ломски-Федер, 2009] относили к «приключенческому сценарию» истории тех, кто приехал развлечься, получить новый личностный или культурный опыт и исследовать другую страну. Но такие сценарии реализуют и студенты, приезжающие в другой город для обучения. Новизна нашего подхода к приключенческим сценариям состоит не только в том, что мы обогатили их содержание нарративами иногородних студентов, но и в том, что мы анализируем специфические переживания этих студентов, связанные с одиночеством и стратегиями совладания с ним, которые присутствуют даже в этих, отнюдь не пессимистичных сценариях. Практики совладания с чувством одиночества у данной категории студентов определенно неординарны: студенты полагаются на собственную инициативу, они ждут челленджа или устраивают его для себя сами, стараются изменить свой жизненный курс, действуя проактивно, и тогда победа над собой и над тяжелыми переживаниями воспринимается юношей или де-

вушкой как героическое событие. В приключенческих сценариях, например в «приключенческо-исследовательском», одиночество может быть ресурсом для личностного развития, творчества, познания, самореализации. В данном случае одиночество — не то, с чем необходимо совладать, так как студенты не чувствуют особого дискомфорта, а целенаправленно делают выбор в пользу отстраненности от мира и суеты, погруженности в себя.

При стратегическом типе сценария («стратегический», «быть полезным») студенты могут переживать одиночество и как ресурс, и как барьер, возникающий в результате дискриминации «неместных», с которой нужно бороться. В таких сценариях одиночество воспринимается студентами не как эмоциональное переживание, а скорее как техническое неудобство, которое нужно преодолеть. Например, как состояние «без “нужных” друзей», тормозящее карьерный рост, или как угроза дискриминации «местными» опыта «приезжих». Те юноши и девушки, которые воспринимают одиночество в этих сценариях как ресурсное состояние, будут практиковать дружбу на расстоянии, включаться в малочисленные «выгодные» компании, искать мероприятия, перспективные с точки зрения продвижения в карьере, находиться в поиске самореализации, развивать собственные проекты — в целом делать карьеру уже в студенчестве. Те, для кого одиночество — это техническое неудобство, актуализируют проблему культурного и социального неравенства возможностей, критикуют сложившиеся системы правил в университетах, пытаются найти занятие, которое даст реально значимый или полезный опыт для себя, общества и университета и, возможно, поможет до некоторой степени изменить ситуацию.

8. Направление дальнейших исследований: причины драмы переезда и одиночества молодежи

Сценарии различаются не только «ликами одиночества» и конкретными практиками социального включения для совладания с проблемой изоляции или проживания состояния «отрешенности от мира». Особенности сценариев обусловлены также свойствами самих городов, в которые прибывают студенты, и принимающих университетов. Например, наиболее сходным образом проживается в Казани и Санкт-Петербурге драматичный сценарий «длительный поиск своих». Университеты как будто «вытаскивают» студентов, не предоставляя ресурсов для развития, не помогая включаться, а город оказывается слишком большим и сложным для самостоятельного поиска вариантов социального включения. Так, студентам Вышки мешает разнообразие предлагаемых активностей, в котором трудно ориентироваться и найти самое подходящее. Включаться в КФУ мешают слишком однородные и конкретизированные виды активностей. На примере этого сценария очевидна значимость университета как проводни-

ка для иногороднего студента в новом месте. Университет может быть первичной площадкой, которая поможет интегрироваться и преодолеть возникшие драматичные переживания, связанные с одиночеством. Вокруг университета должна существовать особая экосистема, в которой молодежь сможет реализоваться: не только в стенах вуза, но и за его пределами: найти или создать интересные стартапы, молодежные сообщества и площадки в городе еще во время обучения.

Начатое нами исследование имеет интересные перспективы. Необходимо детально изучить проблемы и барьеры, с которыми сталкиваются все студенты и которые характерны для отдельных сценариев, а также проанализировать, как преодолевают эти барьеры студенты младших курсов «в режиме реального времени» — в отличие от ретроспективной оценки опыта, на которой сфокусировано данное исследование. Особо актуален в этом контексте анализ грамотных сервисных практик работы с иногородними студентами. Крайне важно, чтобы иногородние студенты были видимы на фоне поступивших иностранцев. Безусловно, обе категории студентов нуждаются во внимании, но иностранным студентам посвящен большой корпус академических исследований и в университетах есть структурные подразделения, созданные специально для работы с ними, а иногородние учащиеся обычно оказываются незамеченными, сливаются с общей массой и не получают необходимой поддержки.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках программы НИУ ВШЭ «Зеркальные лаборатории», исследование «Сценарии социального включения иногородней молодежи в условиях образовательной миграции».

Выражаем благодарность Казанскому (Приволжскому) федеральному университету: часть исследования выполнена в рамках реализации Программы развития Казанского (Приволжского) федерального университета «Приоритет-2030».

Благодарим коллег из Центра молодежных исследований, участвовавших в проекте: Надежду Нартову, Эльвиру Ариф, Дарью Петрунину. Также благодарим наших партнеров из Лаборатории социологических исследований ИСФНиМК КФУ: Марию Ефлову, Фариду Ишкинееву, Ольгу Максимову, Карину Озерову, Анастасию Маяковскую.

Литература

1. Бауман З. (2005) *Индивидуализированное общество*. М.: Логос.
2. Бредникова О.Е. (2017) (Не)возвращение: могут ли мигранты стать бывшими? *Этнографическое обозрение*, № 3, сс. 32–47. <https://doi.org/10.1080/10611959.2017.1450549>
3. Ватолкина Н.Ш., Федоткина О.П. (2018) Международное стратегическое партнерство университета: модели взаимодействия. *Высшее образование в России*, № 6, сс. 113–119.

4. Гончарова Н.В., Ясавеев И.Г. (2020) Конструирование смыслов поисковой работы в России: лейтмотивы властей и участников экспедиций. *Мир России: Социология, этнология*, т. 29, № 1, сс. 153–173. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-1-153-173>
5. Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Пипия К., Рысева А. (2020) Поколение Z: Молодежь времени путинского правления. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*, № 1-2 (130), сс. 21–121.
6. Дождиков А.В., Корнилова Е.В. (2023) Образовательная миграция абитуриентов между регионами Российской Федерации как источник данных для планирования развития системы высшего образования. *Высшее образование в России*, т. 32, № 3, сс. 67–83. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-3-67-83>
7. Ефлова М.Ю., Виноградова Ю.В., Витушкин А.В. (2023) Современная молодежь как актор креативного класса. *Казанский социально-гуманитарный вестник*, № 1 (58), сс. 31–35. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.1.31-35>
8. Замалтдинова Л., Мальганова И. (2014) Особенности и перспективы образовательных миграционных потоков между странами Юго-Восточной Азии и Республикой Татарстан. *Миграционные процессы: тренды, вызовы, перспективы* (ред. Н.Г. Багаутдинова, Е.В. Фахрутдинова), Казань: Отечество, сс. 117–122.
9. Зиммель Г. (2002) Большие города и духовная жизнь. *Логос*, № 3, сс. 1–12.
10. Карачурина Л.Б., Флоринская Ю.Ф. (2019) Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*, № 6, сс. 82–89.
11. Кузинер Е.Н., Петрунина Д.С. (2022) Креативные пространства как «третьи места» в регионах России. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, № 6 (172), сс. 333–355. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2316>
12. Куренной В. (2017) Сила слабых связей. Горожанин и право на одиночество. *Горожанин: что мы знаем о жителе большого города?* (сост. И. Фурман), М.: Strelka Press, сс. 14–29.
13. Лернер Ю., Рапопорт Т., Ломски-Федер Э. (2009) Русскоязычные студенты в израильском университете: как работает «этнокультурный сценарий» советских евреев в эмиграции. *Диаспоры*, № 2, сс. 62–90.
14. Лукьянова Е., Елкина О. (2020) Волонтерство как пространство молодежного взаимодействия: в поисках и противоречиях развития. *Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности* (сост. Е. Омельченко), М.: НИУ ВШЭ, сс. 229–281. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2128-1>
15. Маяковская А.В. (2022) Образовательная миграция и практики социальной адаптации иногородних студентов (на примере города Казань). *Казанский социально-гуманитарный вестник*, № 5 (56), сс. 46–51. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2022.4.46-51>
16. Омельченко Д.А., Омельченко Е.Л. (2022) В поисках дома. Региональная идентичность молодых калининградцев: жизненные стратегии и миграционные намерения. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 6, сс. 309–332. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2317>
17. Омельченко Е.Л. (2020) Вместо введения. 25 лет молодежных исследований: глобальные имена — локальные тренды. *Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности* (сост. Е. Омельченко), М.: НИУ ВШЭ, сс. 29–91. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2128-1>
18. Салихова Н., Фахрутдинова А. (2021) Трудности адаптации первокурсников к обучению в вузе. *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*, № 1, сс. 97–113. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2021-1-97-113>

19. Семенова В.В., Черныш М.Ф., Сушко П.Е. (ред.) (2019) *Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты*. М.: ФНИСЦ РАН.
20. Шамовская Т., Алимova Д. (2019) Межкультурная коммуникация как условие социокультурной адаптации иностранных студентов в процессе обучения в вузе. *Профессиональное образование в России и за рубежом*, № 1 (33), сс. 172–177.
21. Adler R.P., Goggin J. (2005) What Do We Mean by “Civic Engagement”? *Journal of Transformative Education*, vol. 3, no 3, pp. 236–253. <https://doi.org/10.1177/1541344605276792>
22. Beck U., Beck-Gernsheim E. (2002) *Individualization: Institutionalized Individualism and Its Social and Political Consequences*. Sage. <https://doi.org/10.4135/9781446218693>
23. Berger B. (2009) Political Theory, Political Science, and the End of Civic Engagement. *Perspectives on Politics*, vol. 7, no 2, pp. 335–350. <https://doi.org/10.1017/S153759270909080X>
24. Bhula-or R., Chimmamee M., Osatis C. (2022) Migration of Older Persons Seeking Care in Thailand. *Journal of Social Issues*, vol. 78, no 3, pp. 521–543. <https://doi.org/10.1111/josi.12499>
25. Cacioppo S., Grippo A.J., London S., Goossens L., Cacioppo J.T. (2015) Loneliness: Clinical Import and Interventions. *Perspectives on Psychological Science*, vol. 10, no 2, pp. 238–249. <https://doi.org/10.1177/1745691615570616>
26. Chen W., Wu S., Ling L., Renzaho A.M.N. (2019) Impacts of Social Integration and Loneliness on Mental Health of Humanitarian Migrants in Australia: Evidence from a Longitudinal Study. *Australian and New Zealand Journal of Public Health*, vol. 43, no 1, pp. 46–55. <https://doi.org/10.1111/1753-6405.12856>
27. Denzin N.K. (1989) *Interpretive Biography*. Newbury Park, CA: Sage. <https://doi.org/10.4135/9781412984584>
28. Dotter D. (2002) Creating Deviance: Scenarios of Stigmatization in Postmodern Media Culture. *Deviant Behavior*, vol. 23, no 5, pp. 419–448. <https://doi.org/10.1080/016396202320265300>
29. Ekman J., Amna E. (2012) Political Participation and Civic Engagement: Towards a New Typology. *Human Affairs*, vol. 22, no 3, pp. 283–300. <https://doi.org/10.2478/s13374-012-0024-1>
30. Froehlich L., Brokjøb L.G., Nikitin J., Martiny S.E. (2022) Integration or Isolation: Social Identity Threat Relates to Immigrant Students’ Sense of Belonging and Social Approach Motivation in the Academic Context. *Journal of Social Issues*, vol. 79, no 1, pp. 264–290. <https://doi.org/10.1111/josi.12548>
31. Harris A., Wyn J. (2009) Young People’s Politics and the Micro-Territories of the Local. *Australian Journal of Political Science*, vol. 44, no 2, pp. 327–344. <https://doi.org/10.1080/10361140902865308>
32. Harris A., Wyn J., Younes S. (2010) Beyond Apathetic or Activist Youth ‘Ordinary’ Young People and Contemporary Forms of Participation. *Young*, vol. 18, no 1, pp. 9–32. <https://doi.org/10.1177/110330880901800103>
33. Hays R.D., DiMatteo M.R. (1987) A Short-Form Measure of Loneliness. *Journal of Personality Assessment*, vol. 51, no 1, pp. 69–81. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa5101_6
34. Heu L.C., van Zomeren M., Hansen N. (2020) Far Away from Home and (Not) Lonely: Relational Mobility in Migrants’ Heritage Culture as a Potential Protection from Loneliness. *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 77, July, pp. 140–150. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2020.05.005>
35. Kenny S. (2016) Community Development Today: Engaging Challenges through Cosmopolitanism? *Community Development Journal*, vol. 51, no 1, pp. 23–41. <https://doi.org/10.1093/cdj/bsv058>

36. Lee J., Hong J., Zhou Y., Robles G. (2020) The Relationships between Loneliness, Social Support, and Resilience among Latinx Immigrants in the United States. *Clinical Social Work Journal*, vol. 48, October, pp. 99–109. <https://doi.org/10.1007/s10615-019-00728-w>
37. Miller-Idriss C. (2006) Everyday Understandings of Citizenship in Germany. *Citizenship Studies*, vol. 10, no 5, pp. 541–570. <https://doi.org/10.1080/13621020600954978>
38. Nartova N. (2021) Citizenship and Social Engagement of Youth in the Putin Era. *Youth in Putin's Russia* (ed. E. Omelchenko), London; New York: Palgrave Macmillan, pp. 137–165. https://doi.org/10.1007/978-3-030-82954-4_4
39. Nartova N., Krupets Y., Shilova A. (2020) HIV Activism in Modern Russia: From NGOs to Community Development. *Community Development Journal*, vol. 55, no 3, pp. 419–436. <https://doi.org/10.1093/cdj/bsy065>
40. Neto F., Pinto M. (2022) Loneliness among African Migrants Living in Portugal. *OBM Neurobiology*, vol. 6, no 2, pp. 1–23. <https://doi.org/10.21926/obm.neurobiol.2202125>
41. Oishi S., Kesebir S., Miao F.F., Talhelm T., Endo Y., Uchida Y., Norasakkunkit V. (2013) Residential Mobility Increases Motivation to Expand Social Network: But Why? *Journal of Experimental Social Psychology*, vol. 49, no 2, pp. 217–223. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2012.10.008>
42. Pilkington H., Acik N. (2020) Not Entitled to Talk: (Mis)recognition, Inequality and Social Activism of Young Muslims. *Sociology*, vol. 54, no 1, pp. 181–198. <https://doi.org/10.1177/0038038519867630>
43. Pilkington H., Pollock G. (2015) 'Politics Are Bollocks': Youth, Politics and Activism in Contemporary Europe. *The Sociological Review*, vol. 63, no S2, pp. 1–35. <https://doi.org/10.1111/1467-954X.12260>
44. Poliakov S., Omelchenko E., Garifzyanova A. (2020) Holding onto Your Roots: Tatar-Language Rap in Post-Soviet Kazan. *Popular Music and Society*, vol. 43, no 4, pp. 401–413. <https://doi.org/10.1080/03007766.2020.1730650>
45. Shuang M., Yiqing W., Ling J., Guanzhen O., Jing G., Zhiyong Q., Xiaohua W. (2022) Relationship between Parent-Child Attachment and Depression among Migrant Children and Left-Behind Children in China. *Public Health*, vol. 204, March, pp. 1–8. <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2021.12.015>
46. Singh L.B., Kumar A., Srivastava S. (2021) Academic Burnout and Student Engagement: A Moderated Mediation Model of Internal Locus of Control and Loneliness. *Journal of International Education in Business*, vol. 14, no 2, pp. 219–239. <https://doi.org/10.1108/JIEB-03-2020-0020>
47. Smith K.J., Victor C. (2018) Typologies of Loneliness, Living Alone and Social Isolation, and Their Associations with Physical and Mental Health. *Ageing and Society*, vol. 39, no 8, pp. 1709–1730. <https://doi.org/10.1017/S0144686X18000132>
48. Snoubar Y., Zengin O. (2022) Social Support Effectiveness of the Mental Health of Immigrants Living in Belgium. *The British Journal of Social Work*, vol. 52, no 5, pp. 2707–2725. <https://doi.org/10.1093/bjsw/bcac031>
49. Sommer R. (2022) Migration and Narrative Dynamics. *The Routledge Companion to Narrative Theory* (eds P. Dawson, M. Mäkelä), Routledge. pp. 498–511. <https://doi.org/10.4324/9781003100157-46>
50. Sveningsson M. (2015) 'I Wouldn't Have What It Takes': Young Swedes Understandings of Political Participation. *Young*, vol. 24, no 2, pp. 139–156. <https://doi.org/10.1177/1103308815603305>
51. Turner V. (1980) Social Dramas and Stories About Them. *Critical Inquiry*, vol. 7, no 1, pp. 141–168. <https://doi.org/10.1086/448092>
52. Walker M., Mathebula M. (2020) Low-Income Rural Youth Migrating to Urban Universities in South Africa: Opportunities and Inequalities. *Compare: A Journal of Comparative and International Education*, vol. 50, no 8, pp. 1193–1209. <https://doi.org/10.1080/03057925.2019.1587705>

53. Yuki M., Schug J. (2012) Relational Mobility: A Socioecological Approach to Personal Relationships. *New Directions in Close Relationships: Integrating across Disciplines and Theoretical Approaches* (eds O. Gillath, G.E. Adams, A.D. Kunkel), Washington, DC: American Psychological Association, pp. 137–151. <https://doi.org/10.1037/13489-007>

References

- Adler R.P., Goggin J. (2005) What Do We Mean by “Civic Engagement”? *Journal of Transformative Education*, vol. 3, no 3, pp. 236–253. <https://doi.org/10.1177/1541344605276792>
- Bauman Z. (2005) *The Individualized Society*. Moscow: Logos (In Russian).
- Beck U., Beck-Gernsheim E. (2002) *Individualization: Institutionalized Individualism and Its Social and Political Consequences*. Sage. <https://doi.org/10.4135/9781446218693>
- Berger B. (2009) Political Theory, Political Science, and the End of Civic Engagement. *Perspectives on Politics*, vol. 7, no 2, pp. 335–350. <https://doi.org/10.1017/S153759270909080X>
- Bhula-or R., Chimmamee M., Osatis C. (2022) Migration of Older Persons Seeking Care in Thailand. *Journal of Social Issues*, vol. 78, no 3, pp. 521–543. <https://doi.org/10.1111/josi.12499>
- Brednikova O.E. (2017) The (Non-)Return: Can Migrants Become Former Migrants? *Etnograficheskoe obozrenie*, no 3, pp. 32–47 (In Russian). <https://doi.org/10.1080/10611959.2017.1450549>
- Cacioppo S., Grippo A.J., London S., Goossens L., Cacioppo J.T. (2015) Loneliness: Clinical Import and Interventions. *Perspectives on Psychological Science*, vol. 10, no 2, pp. 238–249. <https://doi.org/10.1177/1745691615570616>
- Chen W., Wu S., Ling L., Renzaho A.M.N. (2019) Impacts of Social Integration and Loneliness on Mental Health of Humanitarian Migrants in Australia: Evidence from a Longitudinal Study. *Australian and New Zealand Journal of Public Health*, vol. 43, no 1, pp. 46–55. <https://doi.org/10.1111/1753-6405.12856>
- Denzin N.K. (1989) *Interpretive Biography*. Newbury Park, CA: Sage. <https://doi.org/10.4135/9781412984584>
- Dotter D. (2002) Creating Deviance: Scenarios of Stigmatization in Postmodern Media Culture. *Deviant Behavior*, vol. 23, no 5, pp. 419–448. <https://doi.org/10.1080/016396202320265300>
- Dozhdikov A.V., Kornilova E.V. (2023) Educational Migration of Applicants among Regions of the Russian Federation as a Data Source for Planning the Higher Education System Development. *Vysshee obrazovanie v Rossii / Higher Education in Russia*, vol. 32, no 3, pp. 67–83 (In Russian). <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-3-67-83>
- Eflova M.Yu., Vinogradova Yu.V., Vitushkin A.V. (2013) Modern Youth as Actors of the Creative Class. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*, no 1 (58), pp. 31–35 (In Russian). <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.1.31-35>
- Ekman J., Amna E. (2012) Political Participation and Civic Engagement: Towards a New Typology. *Human Affairs*, vol. 22, no 3, pp. 283–300. <https://doi.org/10.2478/s13374-012-0024-1>
- Froehlich L., Brokjøb L.G., Nikitin J., Martiny S.E. (2022) Integration or Isolation: Social Identity Threat Relates to Immigrant Students’ Sense of Belonging and Social Approach Motivation in the Academic Context. *Journal of Social Issues*, vol. 79, no 1, pp. 264–290. <https://doi.org/10.1111/josi.12548>
- Goncharova N., Yasaveev I. (2020) The Meanings of WW2 Search Work in Russia in the Rhetoric of State Authorities and the Searchers Themselves. *Universe of Russia*, vol. 29, no 1, pp. 153–173 (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-1-153-173>
- Gudkov L., Zorkaya N., Kochergina E., Pipiya K., Ryseva A. (2020) Generation Z: Young People of the Putin Era. *Russian Public Opinion Herald*, no 1-2 (130), pp. 21–121 (in Russian).

- Harris A., Wyn J. (2009) Young People's Politics and the Micro-Territories of the Local. *Australian Journal of Political Science*, vol. 44, no 2, pp. 327–344. <https://doi.org/10.1080/10361140902865308>
- Harris A., Wyn J., Younes S. (2010) Beyond Apathetic or Activist Youth 'Ordinary' Young People and Contemporary Forms of Participation. *Young*, vol. 18, no 1, pp. 9–32. <https://doi.org/10.1177/110330880901800103>
- Hays R.D., DiMatteo M.R. (1987) A Short-Form Measure of Loneliness. *Journal of Personality Assessment*, vol. 51, no 1, pp. 69–81. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa5101_6
- Heu L.C., van Zomeren M., Hansen N. (2020) Far Away from Home and (Not) Lonely: Relational Mobility in Migrants' Heritage Culture as a Potential Protection from Loneliness. *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 77, July, pp. 140–150. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2020.05.005>
- Karachurina L.B., Florinskaya Y.F. (2019) Migration Intentions of School Graduates in Small and Midsize Towns of Russia. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 5, Geografia / Moscow University Bulletin. Series 5, Geography*, no 6, pp. 82–89 (In Russian).
- Kenny S. (2016) Community Development Today: Engaging Challenges through Cosmopolitanism? *Community Development Journal*, vol. 51, no 1, pp. 23–41. <https://doi.org/10.1093/cdj/bsv058>
- Kurennoy V. (2017) The Strength of Weak Ties. The Citizen and the Right to Solitude. *Citizen: What Do We Know about a Resident of a Big City?* (ed. I. Furman). Moscow: Strelka Press, pp. 14–29 (In Russian).
- Kuziner E.N., Petrunina D.S. (2022) Creative Hubs as Third Places in Russian Regions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 6 (172), pp. 333–355 (In Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2316>
- Lee J., Hong J., Zhou Y., Robles G. (2020) The Relationships between Loneliness, Social Support, and Resilience among Latinx Immigrants in the United States. *Clinical Social Work Journal*, vol. 48, October, pp. 99–109. <https://doi.org/10.1007/s10615-019-00728-w>
- Lerner Ju., Rapoport T., Lomsky-Feder E. (2009) Russian-Speaking Immigrant Students in Israeli Universities: The "Ethnocultural Script" in Action. *Diasporas*, no 2, pp. 62–90 (In Russian).
- Lukyanova E., Elkina O. (2020) Volunteering as a Space for Youth Interaction: In Search and Contradictions of Development. *Youth in the City: Cultures, Scenes and Solidarities* (ed. O. Omelchenko), Moscow: HSE, pp. 229–281 (In Russian). <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2128-1>
- Mayakovskaya A.V. (2022) Educational Migration and Practices of Social Adaptation Nonresident Students (by the Example of the City of Kazan). *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*, no 5 (56), pp. 46–51 (In Russian). <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2022.5.46-51>
- Miller-Idriss C. (2006) Everyday Understandings of Citizenship in Germany. *Citizenship Studies*, vol. 10, no 5, pp. 541–570. <https://doi.org/10.1080/13621020600954978>
- Nartova N. (2021) Citizenship and Social Engagement of Youth in the Putin Era. *Youth in Putin's Russia* (ed. E. Omelchenko), London; New York: Palgrave Macmillan, pp. 137–165. https://doi.org/10.1007/978-3-030-82954-4_4
- Nartova N., Krupets Y., Shilova A. (2020) HIV Activism in Modern Russia: From NGOs to Community Development. *Community Development Journal*, vol. 55, no 3, pp. 419–436. <https://doi.org/10.1093/cdj/bsy065>
- Neto F., Pinto M. (2022) Loneliness among African Migrants Living in Portugal. *OBM Neurobiology*, vol. 6, no 2, pp. 1–23. <https://doi.org/10.21926/obm.neurobiol.2202125>
- Oishi S., Kesebir S., Miao F.F., Talhelm T., Endo Y., Uchida Y., Norasakkunkit V. (2013) Residential Mobility Increases Motivation to Expand Social Network: But Why? *Journal of Experimental Social Psychology*, vol. 49, no 2, pp. 217–223. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2012.10.008>

- Omelchenko D.A., Omelchenko E.L. (2022) In Search of Home. The Regional Identity of Young Kaliningraders: Life Strategies and Migration Intentions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 6, pp. 309–332 (In Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2317>
- Omelchenko E.L. (2020) Instead of an Introduction. 25 Years of Youth Research: Global Names — Local Trends. *Youth in the City: Cultures, Scenes and Solidarities* (ed. E. Omelchenko), Moscow: HSE, pp. 29–91 (In Russian). <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2128-1>
- Pilkington H., Acik N. (2020) Not Entitled to Talk: (Mis)recognition, Inequality and Social Activism of Young Muslims. *Sociology*, vol. 54, no 1, pp. 181–198. <https://doi.org/10.1177/0038038519867630>
- Pilkington H., Pollock G. (2015) 'Politics Are Bollocks': Youth, Politics and Activism in Contemporary Europe. *The Sociological Review*, vol. 63, no S2, pp. 1–35. <https://doi.org/10.1111/1467-954X.12260>
- Poliakov S., Omelchenko E., Garifzyanova A. (2020) Holding onto Your Roots: Tatar-Language Rap in Post-Soviet Kazan. *Popular Music and Society*, vol. 43, no 4, pp. 401–413. <https://doi.org/10.1080/03007766.2020.1730650>
- Salikhova N., Fakhrutdinova A. (2021) A First-Year Students' Adaptation to Difficulties at High Educational Establishments. *RGGU Bulletin. Series: Psychology. Pedagogics. Education*, no 1, pp. 97–113 (In Russian). <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2021-1-97-113>
- Semenova V.V., Chernysh M.F., Sushko P.E. (eds) (2019) *Social Mobility in an Increasingly Complex Society: Objective and Subjective Aspects*. Moscow: FC-TAS RAS (In Russian).
- Shamovskaya T., Alimova D. (2019) Intercultural Communication as a Condition of Social-and-Cultural Adaptation of Foreign Students in the Educational Process at a University. *Professional Education in Russia and Abroad*, no 1 (33), pp. 172–177 (In Russian).
- Shuang M., Yiqing W., Ling J., Guanzhen O., Jing G., Zhiyong Q., Xiaohua W. (2022) Relationship between Parent-Child Attachment and Depression among Migrant Children and Left-Behind Children in China. *Public Health*, vol. 204, March, pp. 1–8. <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2021.12.015>
- Simmel G. (2002) *The Metropolis and Mental Life*. Logos, no 3, pp. 1–12 (In Russian).
- Singh L.B., Kumar A., Srivastava S. (2021) Academic Burnout and Student Engagement: A Moderated Mediation Model of Internal Locus of Control and Loneliness. *Journal of International Education in Business*, vol. 14, no 2, pp. 219–239. <https://doi.org/10.1108/JIEB-03-2020-0020>
- Smith K.J., Victor C. (2018) Typologies of Loneliness, Living Alone and Social Isolation, and Their Associations with Physical and Mental Health. *Ageing and Society*, vol. 39, no 8, pp. 1709–1730. <https://doi.org/10.1017/S0144686X18000132>
- Snoubar Y., Zengin O. (2022) Social Support Effectiveness of the Mental Health of Immigrants Living in Belgium. *The British Journal of Social Work*, vol. 52, no 5, pp. 2707–2725. <https://doi.org/10.1093/bjsw/bcac031>
- Sommer R. (2022) Migration and Narrative Dynamics. *The Routledge Companion to Narrative Theory* (eds P. Dawson, M. Mäkelä), Routledge, pp. 498–511. <https://doi.org/10.4324/9781003100157-46>
- Sveningsson M. (2015) 'I Wouldn't Have What It Takes': Young Swedes Understandings of Political Participation. *Young*, vol. 24, no 2, pp. 139–156. <https://doi.org/10.1177/1103308815603305>
- Turner V. (1980) Social Dramas and Stories About Them. *Critical Inquiry*, vol. 7, no 1, pp. 141–168. <https://doi.org/10.1086/448092>
- Vatolkina N.Sh., Fedotkina O.P. (2018) International Strategic University Partnership: Interaction Models. *Vysshee obrazovanie v Rossii / Higher Education in Russia*, no 6, pp. 113–119 (In Russian).
- Walker M., Mathebula M. (2020) Low-Income Rural Youth Migrating to Urban Universities in South Africa: Opportunities and Inequalities. *Compare: A Journal of*

- Comparative and International Education*, vol. 50, no 8, pp. 1193–1209. <https://doi.org/10.1080/03057925.2019.1587705>
- Yuki M., Schug J. (2012) Relational Mobility: A Socioecological Approach to Personal Relationships. *New Directions in Close Relationships: Integrating across Disciplines and Theoretical Approaches* (eds O. Gillath, G.E. Adams, A.D. Kunkel), Washington, DC: American Psychological Association, pp. 137–151. <https://doi.org/10.1037/13489-007>
- Zamaltdinova L., Malganova I. (2014) Features and Prospects of Educational Migration Flows between the Countries of Southeast Asia and the Republic of Tatarstan. *Migration Processes: Trends, Challenges, Prospects* (eds N.G. Bagautdinova, E.V. Fakhrutdinova), Kazan: Otechestvo, pp. 117–122 (In Russian).